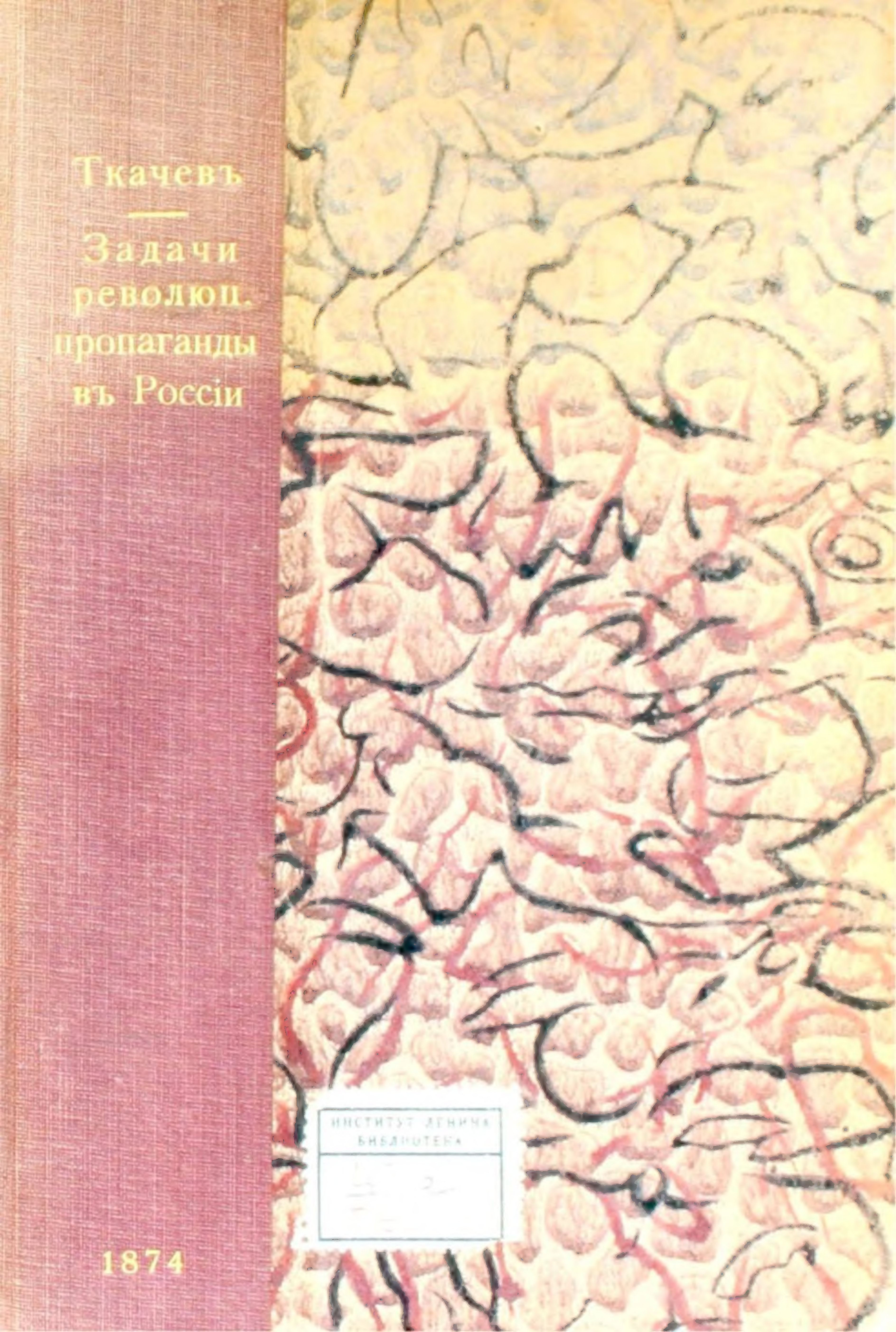

Ткачевъ
Задачи
революц.
пропаганды
въ Россіи
1874

ЗАДАЧИ

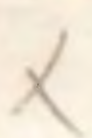
РЕВОЛЮЦІОННОЙ ПРОПАГАНДЫ

ВЪ

РОССІИ.

Письмо къ редактору журнала „ВПЕРЕДЪ."

П. Н. ТКАЧЕВА.

Апрѣль, 1874 г.

НЕБОЛЬШОЕ

ЛИЧНОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ.

Въ концѣ прошлаго года, живя въ ссылкѣ, я получилъ нѣсколько заявленій, частью анонимныхъ, частью съ подписями, приглашавшихъ меня оставить ссылку, ѣхать заграницу и принять участіе въ только что возникшемъ тогда органѣ *„русской радикальной революціонной партіи“—„Впередъ.“* Мнѣ извѣстно было въ чьихъ рукахъ находится это изданіе; я зналъ, что его первая программа (ходившая по рукамъ въ литографированныхъ листахъ) возбудила одно лишь негодованіе во всѣхъ честныхъ кружкахъ нашей молодежи, и что его вторая программа, хотя и произвела болѣе благопріятное впечатлѣніе, но мало кого вполнѣ удовлетворила. Я зналъ также, что первая книжка журнала среди наиболѣе радикальной молодежи была встрѣчена крайне холодно, и что нѣкоторые статьи въ ней (напр. Знаніе и Революція) вызвали съ ея стороны горячіе и рѣзкіе протесты. Въ виду этихъ данныхъ, я начиналъ опасаться за будущее новорожденнаго органа. Я боялся, что онъ не въ состояніи будетъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ желалъ сдѣлаться и чѣмъ онъ дол-

женъ былъ сдѣлаться—литературнымъ представителемъ, истолкователемъ истинныхъ потребностей нашей юной радикально революціонной партіи; я боялся, что онъ, вмѣсто объединенія этой партіи, броситъ въ нее только новое яблоко раздора, внесетъ новое разъединеніе и такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы оказать пользу принесетъ одинъ лишь вредъ революціонному дѣлу. Хотя я не придаю большаго значенія журнальной пропагандѣ, но все же я считаю ее *однимъ* изъ средствъ революціонной борьбы, однимъ изъ средствъ, которымъ нельзя игнорировать, но на которое и не слѣдуетъ тратить слишкомъ много революціонныхъ силъ.

Въ особенности этимъ средствомъ нельзя игнорировать, когда оно употребляется не такъ какъ *слѣдуетъ.* При нецѣлесообразномъ употребленіи оно приноситъ несравненно большую сумму вреда, чѣмъ та сумма пользы, которую оно могло бы принести при употребленіи цѣлесообразномъ. Въ послѣднемъ случаѣ все, что оно можетъ сдѣлать—это натолкнуть нѣсколько юношей на практическую революціонную дѣятельность, разъяснить имъ пути и способы этой дѣятельности, вызвать въ обществѣ *сознаніе* своего недовольства существующимъ порядкомъ. Въ первомъ же случаѣ, оно не только можетъ содѣйствовать *притупленію* этого сознанія, отвлеченіе юношей отъ практической революціонной дѣятельности и т. п.; но еще и внести раздоръ въ революціонную партію, пріучить молодежь къ вредному резонерству, къ тому, что да позволено мнѣ будетъ назвать, революціоннымъ онанизмомъ. Подъ вліяніемъ этихъ соображеній и этихъ опасеній, я счелъ своей обязанностью послѣдовать сдѣланнымъ мнѣ приглашеніямъ: оставить ссылку и войти въ непосредственныя сношенія съ редакціей „Впередъ“.

Я былъ конечно далекъ отъ мысли, что своимъ

участіемъ въ журналѣ, могу прибавить что нибудь къ обширнымъ научнымъ знаніямъ и литературному таланту лица, взявшаго на себя вѣденіе дѣла. Я зналъ, что лицо, завѣдующее редакціей, человѣкъ весьма свѣдующій въ сферѣ математическихъ, философскихъ и историческихъ знаній, но что онъ весьма мало свѣдущъ въ сферѣ тѣхъ практическихъ вопросовъ, тѣхъ насущныхъ интересовъ, которые занимаютъ и волнуютъ нашу молодежь.

Онъ, по возрасту, человѣкъ другого поколѣнія, поколѣнія сороковыхъ годовъ, поколѣнія отцевъ поколѣнія „дѣтей,“ поколѣнія той *новой молодежи*, которая выработалась подъ вліяніемъ общественныхъ условій непосредственно предшествовавшихъ крѣпостной реформѣ, и которое съ такимъ шумомъ выступило на сцену въ началѣ шестидесятыхъ годовъ,—этого поколѣнія онъ не знаетъ, а если и знаетъ, то знаетъ, такъ сказать, теоретически, по слухамъ и по книжкамъ. Самъ онъ никогда среди него не вращался, никогда не жилъ одною съ нимъ жизнею. Онъ всегда стоялъ особнякомъ отъ него. Происходило это частью отъ общаго направленія его занятій, слишкомъ отвлеченныхъ и слишкомъ мало гармонировавшихъ тогдашнему настроенію нашего общества и въ особенности съ настроеніемъ нашей молодежи; частью же, отъ того положенія, которое онъ занималъ среди нашихъ литературныхъ партій. По какой то странной случайности, онъ постоянно держался около лагеря журналовъ съ несомнѣнно реакціонною окраскою, журналовъ ненавистныхъ и антипатичныхъ молодежи; его спеціально-научныя работы помѣщались въ офиціальныхъ, правительственныхъ изданіяхъ, его философскіе и историческіе этюды печатались рядомъ съ полицейскими инсинуаціями ех-жандарма Громеки, фигурировавшаго недавно въ роли Сѣдлицкаго палача, „милаго мальчика“ Альберти-

ни и иныхъ наѣздниковъ изъ клики заматарѣлаго въ реакціонерствѣ и всякого рода эксплуататорствѣ старика Краевскаго. Любимѣйшіе молодежью писатели, представители нашей радикальной журналистики, относились къ нему, какъ къ человѣку враждебной партіи, считали его „отсталымъ,“ клеймили его, страшнымъ въ то время, прозвищемъ реакціонера. Понятно, что молодежь сторонилася отъ него, что между нимъ и ею существовали, если не явно враждебныя, то, во всякомъ случаѣ, крайне холодныя, натянутыя отношенія.

Только въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, когда правительственный гнетъ достигъ казалось (т. е. казалось тогда, теперь намъ это не кажется) своего апогея, когда царскіе палачи, обрызганые кровью мученика Каракозова, потеряли всякій стыдъ и впали въ какое то полицейское бѣшенство,—только въ эту несчастную эпоху реакціоннаго безумія, эпоху дикихъ сатурналій распоясавшагося деспотизма,—холодныя и натянутыя отношенія между теперешнимъ редакторомъ „Впередъ“ и молодежью начали нѣсколько измѣнятся.

Онъ оказался въ числѣ „пострадавщихъ;“ онъ сдѣлался одною изъ жертвъ ослиной реакціи и этого для молодежи было довольно.

За одно это, молодежь готова была все простить, все забыть. Она стала относиться къ нему съ нѣкоторымъ довѣріемъ—но, тогда онъ самъ уже былъ оторванъ отъ нее. Онъ былъ сосланъ, потомъ жилъ заграницею, затѣмъ очутился во главѣ „*русскаго революціоннаго органа*,“ органа объявившаго себя представителемъ „*радикально-революціонной молодежи*.“ Гдѣ же и когда же онъ могъ узнать эту молодежь?—Нигдѣ и никогда.

Этому то недостатку практическаго знанія молодежи я и приписывалъ первые несовсѣмъ удачные шаги новорожденнаго органа. Мнѣ казалось,

что человѣкъ, никогда ни въ теоріи, ни на практикѣ не занимавшійся *революціоннымъ дѣломъ*, неможетъ быть вѣрнымъ представителемъ революціонной партіи, вотъ почему и журналъ во главѣ котораго онъ стоитъ, не можетъ попасть въ унисонъ съ общимъ направленіемъ этой партіи, вотъ почему между нимъ и ею (или покрайней мѣрѣ нѣкоторыми ея фракціями) сейчасъ же возникли недоразумѣнія, холодныя, даже враждебныя отношенія. Вотъ почему, нашлись въ ней люди, которые съ перваго же раза бросили ему въ лицо обвиненіе въ измѣнѣ и предательствѣ, а нѣкоторые заподозрили его даже въ сношеніяхъ съ III-мъ отдѣленіемъ.

Вѣрно или невѣрно было мое объясненіе, но я находилъ его тогда вполнѣ правдоподобнымъ, и потому, думалъ, что каждый честный человѣкъ, признающій пользу журнально-революціонной пропаганды, и незанятый никакими другими болѣе серьезными работами, что каждый такой человѣкъ, —если только онъ можетъ пополнить пробѣлы редакціи по части знанія нашей революціонной молодежи—можетъ и долженъ это сдѣлать. Я полагалъ, что я могъ, слѣдовательно, и обязанъ былъ это сдѣлать.

Въ теченіе всей своей литературной дѣятельности, я постоянно вращался среди нашей молодежи, среди нашихъ „дѣтей.“ Я самъ принадлежу къ этому поколѣнію, я переживалъ съ нимъ его увлеченія и ошибки, его вѣрованія и надежды, его иллюзіи и разочарованія, и каждый почти ударъ, который наносила ему свирѣпая реакція, отражался и на мнѣ или непосредственно, или въ лицѣ моихъ близкихъ товарищей и друзей; съ гимназической скамьи, я не зналъ другого общества, кромѣ общества юношей,—то, увлекавшихся студентскими сходками, то, таинственно

конспирирующихъ; то, устроивающихъ воскресныя школы и читальни; то, заводящихъ артели и коммуны, то, опять хватающихся за народное образованіе, за идею сближенія съ народомъ, и опять и опять конспирирующихъ; -я всегда былъ съ ними и среди нихъ—всегда, когда только меня не отдѣляли отъ нихъ толстыя стѣны казамата Петропавловской крѣпости; могу ли я не знать людей, съ которыми 10-ть лѣтъ жилъ одною жизнею, дѣлилъ пополамъ и горе и радость? Мнѣ кажется, что если я хоть въ какой нибудь сферѣ знаній имѣю нѣкоторую опытность, то только въ этой.

Эту то опытность я и предложилъ издателю журнала „Впередъ,“ ею то я и думалъ быть ему полезенъ.

Меня встрѣтили въ Цюрихѣ съ радостью, мои предложенія приняли. Мнѣ и на умъ тогда не приходило опредѣлять какими нибудь формальными договорами мои отношенія къ редактору, мое право на контроль и вмѣшательство въ дѣло журнала, въ его *направленіе*. Однако, чѣмъ больше я сближался съ редакціей, тѣмъ больше я замѣчалъ, что расхожусь съ нею по нѣкоторымъ весьма существеннымъ вопросамъ, касающимся революціонной дѣятельности молодежи, что я расхожусь съ нею во взглядахъ на самую эту молодежь и на тѣ задачи, которыя долженъ имѣть въ виду русскій революціонный журналъ.

Въ то же время, ознакомившись съ *организаціею* журнала, я увидѣлъ, и увидѣлъ къ немалому моему удивленію, что въ основѣ ея лежитъ принципъ *единоначалія*, что только одно лицо —полный хозяинъ дѣла, только оно одно имѣетъ рѣшающій голосъ, что всѣ остальные участники могутъ лишь подавать свои мнѣнія, но не болѣе. Подобная организація несправедливая вообще, въ

журналѣ анонимномъ, становится *возмутительно* несправедливою. Въ анонимномъ журналѣ отвѣтственность за направленіе его падаетъ въ одинаковой мѣрѣ на всѣхъ лицъ, принимающихъ въ немъ постоянное участіе. Она не единична, а коллективна; равная же отвѣтственность, естественно предполагаетъ равныя права и обязанности. Это ясно, какъ день.

Но, не съ одной только теоретической точки зрѣнія я не могъ допустить принципъ единоначалія; я, особенно не могу его допустить съ точки зрѣнія чисто практической. Вѣдь это значило бы предоставить вѣденіе всего дѣла, дѣла близкаго каждому революціонеру, дѣла, въ успѣхѣ котораго заинтересована вся молодежь, одному лицу и притомъ лицу, по всѣмъ своимъ прецендентамъ весьма мало внушающему къ себѣ довѣріе, какъ къ революціонеру. Я отдаю полную справедливость знаніямъ и талантамъ этого лица, и еслибы дѣло шло объ какомъ нибудь изданіи въ родѣ энциклопедическаго словаря, я бы не сталъ спорить противъ его единовластія. Но въ дѣлѣ изданія революціоннаго журнала, я самымъ положительнымъ образомъ возстаю противъ него. Я самымъ положительнымъ образомъ отрицаю его компетентность въ рѣшеніи практически-революціонныхъ вопросовъ, въ опредѣленіи истинныхъ потребностей и желаній нашей молодежи, въ уясненіи ея программы и т. п. потому, что я знаю, что эти вопросы лежатъ совершенно внѣ сферы его обычныхъ умственныхъ занятій, внѣ сферы его знаній, внѣ сферы его житейской опытности.

Само собою понятно, что мои отношенія къ редакціи должны были измѣниться: прежде всего я пожелалъ опредѣлить ихъ точно и ясно.

Съ этою цѣлью я составилъ записку, въ которой изложилъ свой взглядъ на тѣ общія требованія,

которымъ должна удовлетворять, по моему мнѣнію, программа русскаго революціоннаго журнала. При словесныхъ объясненіяхъ, возникшихъ у насъ по этому поводу, я достигъ того, чего желалъ. Наши разногласія опредѣлились.

Оказалось, что мы расходимся въ весьма существенныхъ пунктахъ, однако я думалъ, что мы всетаки можемъ вмѣстѣ работать, если только мы будемъ нести въ журналѣ одинаковыя обязанности и пользоваться равными правами, т. е. если организація журнала измѣнится. Не желая совсѣмъ ставить этого вопроса на чисто личную точку, и щадя по возможности самолюбіе почтеннаго редактора, я потребовалъ просто во имя справедливости, во имя соображеній чисто теоретическихъ, предоставленія каждому постоянному сотруднику, сочувствующему журналу, равенство правъ и обязанностей во всемъ, что касается литературной и экономической стороны изданія.

Я поставилъ эти требованія условіемъ sine qua non моего участія въ журналѣ. Могъ ли я поступить иначе? Могъ ли я взять на себя отвѣтственность за направленіе журнала, съ которымъ я во многомъ несогласенъ, и на которое однакоже я не могу имѣть никакого существеннаго вліянія, въ которомъ я не могу дѣлать никакихъ поправокъ, никакихъ измѣненій? Могъ ли я поддерживать органъ, претендующій быть представителемъ всей нашей радикально-революціонной партіи, когда этотъ органъ находится въ единоличномъ завѣдываніи человѣка, никогда не принадлежавшаго къ этой партіи, не знающаго ее, а если и знающаго, то лишь въ теоріи а не на практикѣ?

Редакція отказалась принять мои условія, я отказался отъ сотрудничества, этимъ вполнѣ и окончательно изчерпывался вопросъ о нашихъ

личныхъ отношеніяхъ. Но, кромѣ этого *личнаго* вопроса тутъ былъ затронутъ другой вопросъ, вопросъ *общій*, вопросъ, имѣющій, по моему мнѣнію, весьма существенное значеніе для всей нашей революціонной молодежи,—вопросъ тѣсно связанный съ нѣкоторыми основными пунктами ея революціонной програмы.—Это вопросъ о задачахъ и цѣляхъ русского революціонного журнала,—т. е. о задачахъ и цѣляхъ революціонной пропаганды вообще. Около него-то и вертѣлись всѣ мои объясненія съ редакціей; оно то и составляетъ предметъ настоящаго моего письма; потому то я и счелъ возможнымъ принять предложенія нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ моихъ друзей и обнародовать это письмо. Я думаю, что, съ одной стороны, оно можетъ послужить къ выясненію существенныхъ пунктовъ нашей революціонной програмы, съ другой, броситъ нѣкоторый свѣтъ на отношеніе наиболѣе радикальныхъ кружковъ нашей революціонной молодежи къ журналу „Впередъ,“ оно покажетъ сторонникамъ этого журнала, гдѣ слѣдуетъ искать истинныхъ причинъ той холодности, того недовольства, которое проглядываетъ въ этихъ отношеніяхъ. Оно покажетъ имъ что для его объясненія имъ нечего ссылаться на невѣжество и легкомысліе русской молодежи, на недобросовѣстныя интриги, на ковы какихъ то *враждебныхъ* партій, и т. п. призраки ихъ собственной фантазіи.

ЗАДАЧИ

РЕВОЛЮЦІОННОЙ ПРОПАГАНДЫ

ВЪ

РОССІИ.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА „ВПЕРЕДЪ.“

I.

М. Г.

Я отказался отъ сотрудничества въ вашемъ журналѣ, потому что вы отказались предоставить мнѣ, наравнѣ съ вами, право рѣшающаго голоса въ выборѣ и помѣщеніи статей, право контроля надъ общимъ направленіемъ журнала.* Но мнѣ было бы прискорбно еслибы вы и ваши сторонники, основываясь на этомъ фактѣ, вывели заключеніе, что я разошолся съ вами изъ за личнаго самолюбія, изъ за вопроса о первенствѣ. Въ общемъ дѣлѣ, м. г., въ дѣлѣ касающемся дорогихъ для меня интересовъ русской революціонной партіи, я никогда еще не руководствовался,

*) Я говорю здѣсь только о себѣ, потому что другіе ваши сотрудники отказались отъ тѣхъ правъ, которыхъ я требовалъ для нихъ и для себя.

никогда не могу руководствоваться личными побужденіями; я всегда ихъ приносилъ и всегда буду приносить въ жертву этой партіи, этого *общаго* всѣмъ намъ дѣла, дѣла руской революціи. Я не хочу, чтобы даже *вы* могли превратно истолковывать мое поведеніе, набрасывать тѣнь на руководившія мною мотивы. Потому не довольствуяся вашими личными объясненіями, я вамъ рѣшаюсь писать. Прочтя это письмо внимательно и обсудивъ безпристрастно мои аргументы, вы должны будете убѣдится, что я поступилъ такъ, какъ обязанъ былъ поступить всякій честный человѣкъ, дорожащій интересами революціонной партіи.

Еслибы я былъ во всемъ согласенъ съ вашимъ журналомъ, или наконецъ еслибы я питалъ къ вамъ, подобно теперешнимъ вашимъ сотрудникамъ, безграничное личное довѣріе, еслибы я видѣлъ въ васъ истиннаго и настоящаго представителя руской революціонной мысли, я бы никогда не рѣшился поднять вопроса о несправедливости принципа единоначалія. Я бы охотно пожертвовалъ этимъ принципомъ практическому интересу дѣла; я бы работалъ у васъ; я бы предоставилъ въ полное ваше распоряженіе весь тотъ запасъ знаній, и способностей которыми я обладаю, и мнѣ на умъ бы не приходила мысль спорить о *правахъ*.

Но вы сами понимаете, что ни я и никто изъ молодежи шестидесятыхъ годовъ не могъ питать къ вамъ подобнаго довѣрія. Мы всѣ знали *кѣмъ* вы были прежде, чѣмъ сдѣлались революціонеромъ. Мы знали, что вы половину своей жизни служили на службѣ у русскаго правительства, получая отъ него чины и награды; что вы никогда не мѣшались въ „политику,“ никогда даже въ теоріи не занимался вопросами, имѣющими какое нибудь непосредственное отношеніе къ соціальной рево-

люціи. Вы всегда держались въ сторонѣ отъ всѣхъ нашихъ революціонныхъ кружковъ, вели жизнь, выражаясь вашими же словами, „уединеннаго кабинетнаго мыслителя,“ и при томъ еще такого мыслителя, который вѣчно или виталъ въ туманныхъ сферахъ отвлеченной философіи или совершалъ благонамѣренныя экскурсіи въ область физико-математическихъ и историческихъ наукъ.

Ваша мысль постоянно занятая либо математическими формулами, либо метафизикою, либо филосовскимъ созерцаніемъ прошлаго, была чужда живымъ вопросамъ дня.

Въ „медовой мѣсяцъ“ нашаго либерализма, когда все общество увлекалось общественными вопросами, когда у всѣхъ лихорадочно билея пульсъ, когда даже философъ Страховъ сдѣлался политикомъ, вы и одни вы, спокойно бесѣдовали о задачахъ философіи. Въ то время, когда всѣ честные, молодые, живые силы группировались около представителей нашей радикальной журналистики, —вы работали въ лагерѣ Краевскаго, стояли подъ знаменемъ, служившимъ символомъ рутины.

Имѣя за собою такое прошлое, вы не могли и не должны были разсчитывать на полное довѣріе съ нашей стороны. Ваши настоящія заявленія слишкомъ рѣзко противорѣчатъ всей вашей предшествовавшій жизни. Если бы вы были „флюгеромъ,“ тогда другое дѣло, но вѣдь вы человѣкъ съ твердыми, весьма ясно опредѣлившимися убѣжденіями. Какъ же это могъ случится съ вами такой удивительный переворотъ? Какъ это вы вдругъ изъ спокойнаго философа, изъ благонамѣреннаго сотрудника старыхъ „Отечественныхъ Записокъ“ превратились въ краснаго революціонера, въ редактора журнала, объявившаго себя органомъ „радикально-революціонной партіи?“ Такія метаморфозы всегда немножко подозрительны.

Не то, чтобы я сомнѣвался въ вашей искренности, не то, чтобы я не вѣрилъ въ дѣйствительность вашаго превращенія (чего на свѣтѣ не бываетъ), но, не посѣтуйте на меня за откровенность, я не вѣрю, я не могу повѣрить въ его прочность. Мнѣ кажется, что отъ старыхъ привычекъ, отъ старыхъ идеаловъ, вошедшихъ въ плоть и въ кровь человѣка, нельзя такъ же легко отказаться, какъ отъ изношеннаго платья. Рано или поздно онѣ пробьются наружу и смоютъ новыя, навѣянные извнѣ убѣжденія. Личность постоянно привыкшая работать въ одномъ направленіи не можетъ безнаказанно перескочить въ другое, ему противуположное. *Старый человѣкъ*, по мимо его воли, скажется въ *новомъ*. И развѣ онъ не сказался въ той первой программѣ, которую вы составили для вашего журнала. Могъ ли бы дѣйствительный революціонеръ сочинить, что нибудь подобное? Сталъ ли бы онъ толковать о возможности *революціи*, при помощи *легализма*?

Правда, вы моментально отказались отъ своего изобрѣтенія, чуть только увидали, что надъ нимъ смѣются; вы написали другую программу (говорятъ даже, что была и третья), но, и въ вашемъ новомъ proffession de foi, сквозь революціонныя фразы, сквозило далеко нереволюціонное содержаніе. Да, наконецъ, самая поспѣшность, съ которою вы мѣняли свои революціонныя proffession de foi, не свидѣтельствовала ли она о шаткости и неустойчивости вашихъ революціонныхъ убѣжденій? Скажите же по совѣсти, могъ ли, имѣлъ ли я право довѣрять вамъ.

Правда, вы нѣсколько разъ старались убѣдить меня, что ваши *личныя* мнѣнія, не могутъ имѣть существеннаго вліянія на мнѣнія редактируемаго вами журнала, что хотя по своимъ *приватнымъ* взглядамъ, вы продолжаете стоять на точкѣ зрѣ-

нія первой программы, но, что это нисколько не мѣшаетъ вамъ въ *качествѣ редактора* революціоннаго органа проводить въ немъ самыя радикальныя, самыя революціонныя идеи. Такимъ образомъ, по вашимъ же собственнымъ словамъ выходило, что вы изображаете собою нѣкотораго рода *двуипостась*, первое лицо, которой — философъ, постепенновецъ, либералъ, вѣрующій въ прогрессъ; а второе — красный революціонеръ, редакторъ органа „радикально-революціонной партіи." Но кто же могъ мнѣ поручиться, что первое лицо когда нибудь не поглотитъ второе, что философъ не зажметъ ротъ революціонеру и не заставитъ его плясать по своей дудкѣ? Напротивъ, судя по двумъ первымъ книжкамъ „Впередъ," мнѣ казалось, что это поглощеніе революціи философіею, уже фактъ совершившійся.

Въ самомъ дѣлѣ: вникните въ сущность распространяемыхъ вашимъ журналомъ идей, и вы сами убѣдитесь, что они могутъ привести къ торжеству всего чего хотите, но только не къ торжеству революціи.

Да, нужно ли еще вамъ въ этомъ убѣждаться? Мнѣ кажется, что вы ужь давно въ томъ убѣждены, и что *именно потому-то* вы и распространяете ихъ. Не примите это за упрекъ въ лицемѣріи. Нѣтъ, вы совершенно искренно *не вѣрите* въ революцію, и *не желаете* ей успѣха. Точно также, вы искренни и тогда, когда толкуете о необходимости революціи, когда выражаете твердую надежду на ея несомнѣнное торжество и т. п. Вы только злоупотребляете словами. То, что вы и вашъ журналъ называете *революціею*, то совсѣмъ не революція, по крайней мѣрѣ не о такой революціи мечтаетъ наша революціонная партія, не для такой революціи должна готовить себя наша молодежь.

II.

Что подразумѣваетъ вашъ журналъ подъ словомъ *революція*? Народное движеніе, направленое къ уничтоженію существующаго порядка вещей, къ устраненію тѣхъ исторически-выработавшихся условій экономическаго быта, которые его давятъ и порабощаютъ. Это слишкомъ обще. Какое движеніе? *Осмысленное*, *разумное*, вызванное яснымъ сознаніемъ принципіальныхъ недостатковъ дикихъ общественныхъ условій, руководимое вѣрнымъ и отчетливымъ пониманіемъ какъ его средствъ, такъ и конечныхъ цѣлей. Это сознаніе и это пониманіе должны быть присущими всему народу, или по крайней мѣрѣ, большинству его,—только тогда, по вашему мнѣнію, совершится истинная народная революція. Всякую другую революцію вы называете искуственнымъ „навязываніемъ народу революціонныхъ идей" (кн. I, Наша Програм.). „Будущій строй русскаго общества, гласитъ ваша программа, осуществленію котораго мы рѣшились содѣйствовать, долженъ воплотить въ дѣло *потребности большинства имъ самимъ сознанныя и понятыя* (ib)."

Слѣдовательно, революцію вы понимаете въ смыслѣ осуществленія въ общественной жизни потребностей большинства имъ самимъ *сознанныхъ* и *понятыхъ*. Но развѣ это будетъ революція въ смыслѣ насильственнаго переворота? Развѣ, когда большинство сознаетъ и пойметъ какъ свои потребности, такъ и тѣ пути и средства, съ помощью которыхъ ихъ можно удовлетворить,—развѣ тогда ему нужно будетъ прибѣгать къ насильственному перевороту? О, повѣрте, оно съумѣетъ

тогда сдѣлать это, не проливая ни единой капли крови, весьма мирно, любезно и главное *постепенно*. Вѣдь сознаніе и пониманіе всѣхъ потребностей придетъ къ нему не вдругъ. Значитъ нѣтъ резона думать будто и осуществлять эти потребности оно примется заразъ: сначала оно сознаетъ одну потребность и возможность удовлетворить ее, потомъ другую, третью и т. д. и наконецъ когда оно дойдетъ до сознанія своей послѣдней потребности, ему уже даже и бороться ни съ кѣмъ не придется, а уже объ насиліи и говорить нечего.

Значитъ, *ваша революція* есть не иное что какъ утопическій путь *мирнаго прогресса*. Вы обманываете и себя и читателей, замѣняя слово *прогрессъ* словомъ *революція*. Вѣдь это шулерство, вѣдь это подтасовка!

Неужели вы не понимаете, что революція (въ обыденномъ смыслѣ слова) тѣмъ-то и отличается отъ мирнаго прогресса, что первую дѣлаетъ меньшинство, а вторую большинство. Оттого первая, происходитъ обыкновенно быстро, бурно, безпорядочно, носитъ на себѣ характеръ урагана, стихійнаго движенія, а второй совершается тихо, медленно, плавно съ „величественною торжественностью,“ какъ говорятъ историки. Насильственная революція тогда только и можетъ имѣть мѣсто, когда меньшинство не хочетъ ждать, чтобы большинство само сознало свои потребности, но когда оно рѣшается, такъ сказать, *навязать* ему это сознаніе, когда оно старается довести глухое и постоянно присущее народу чувство недовольства своимъ положеніемъ, до взрыва.

И затѣмъ, когда этотъ взрывъ происходитъ, происходитъ не въ силу какого нибудь яснаго *пониманія и сознанія* и т. п., а просто въ силу накопившагося чувства недовольства, озлобленія, въ силу невы

носимости гнета, когда этотъ взрывъ происходитъ, тогда большинство старается только придать ему осмысленный, разумный характеръ, направляетъ его къ извѣстнымъ цѣлямъ, облекаетъ его грубою чувственную основу, въ идеальныя принципы. Народъ дѣйствительной революціи,—это бурная, стихія все уничтожающая и разрушающая на своемъ пути, дѣйствующая всегда безотчетно, и безсознательно. Народъ *вашей* революціи—это цивилизованный человѣкъ, вполнѣ уяснившій себѣ свое положеніе, дѣйствующій, сознательно и цѣлѣсообразно, отдающій отчетъ въ своихъ поступкахъ, хорошо понимающій *чего* онъ хочетъ, понимающій свои истинныя потребности и свои права, человѣкъ принциповъ, человѣкъ идей.

Но, гдѣ же видано, чтобы цивилизованные люди дѣлали революціи! О, нѣтъ, они всегда предпочитаютъ путь мирнаго и спокойнаго прогресса, путь *безкровныхъ* протестовъ, дипломатическихъ компромиссовъ и реформъ—пути насилія, пути крови, убійствъ и грабежа.

Потому, повторяю опять, когда „большинство народа" дойдетъ до „яснаго пониманія и сознанія" своихъ потребностей, тогда *насильственный*, кровавый переворотъ станетъ немыслимъ, тогда наступитъ та эра „безкровныхъ революцій," въ нѣмецкомъ вкусѣ, о которой мечталъ Лассаль, идея которой лежитъ въ основѣ современнаго западно-европейскаго рабочаго движенія, въ основѣ нѣмецкой программы Интернаціонала.

Буржуа и философы, палачи и эксплуататоры безъ особеннаго страха и трепета созерцаютъ отдаленную возможность наступленія подобной эры. При словѣ „безкровая революція," ихъ волосы не подымаются дыбомъ, они только лукаво улыбаются и одобрительно киваютъ головами. Они знаютъ, что эти „тихія ужасы," начнутся ни при

нихъ, ни при ихъ дѣтяхъ, ни при ихъ внукахъ, даже ни при ихъ пра-правнукахъ, что къ тому времени, когда „большинство сознаетъ и пойметъ свои потребности,“ солнце быть можетъ давно уже потухнетъ и на землѣ наступитъ царство вѣчнаго мрака и холода,—царство смерти.

Даже нашему III-му Отдѣленію, впадающему въ умоисступленіе при одномъ словѣ „революція“ *подобная революція—ваша* революція, революція обусловленная „яснымъ сознаніемъ и пониманіемъ большинствомъ своихъ потребностей,“ не можетъ быть страшной. Напротивъ, его прямой интересъ состоитъ въ томъ, чтобы пропагандировать ея идеи. Съ помощью такой пропаганды, можно совсѣмъ сбить молодежь съ толку, представляя ей, *дѣйствительную революцію*, какъ искуственное навязываніе народу несознанныхъ и не прочувствованныхъ имъ идей, какъ нѣчто деспотическое, эфемерное, скоротечное и потому вредное; увѣряя ее, что побѣда народнаго дѣла, что радикальный переворотъ всѣхъ существующихъ общественныхъ отношеній, зависитъ отъ степени сознанія народомъ его правъ и потребностей т. е. отъ степени его умственнаго и нравственнаго развитія, можно незамѣтно довести ее до убѣжденія, будто развивать народъ и уяснять ему его потребности и т. п. значитъ подготовлять не торжество мирнаго прогресса, а торжество *истинной* революціи.

III.

Вашъ журналъ именно и ведетъ такую пропаганду; онъ именно и стремится довести молодежь

до *такого* убѣжденія, т. е., самъ того не вѣдая и вѣроятно не желая, онъ служитъ цѣлямъ и интересамъ III Отдѣленія. Напрасно вы стали бы отрицать тотъ скрытый смыслъ, который вы придаете слову *революція*; напрасно вы стали бы увѣрять будто вы никогда не защищали въ вашемъ журналѣ пути мирныхъ реформъ, безкровнаго прогресса. Я знаю—вашъ журналъ никогда не рѣшится проповѣдывать открыто *вашихъ* идей; но онѣ, если можно такъ выразиться, постоянно присутствуютъ въ немъ въ *скрытомъ состояніи*; онѣ придаютъ ему извѣстный цвѣтъ, извѣстное направленіе; онѣ состовляютъ его *духъ*. Я знаю—слово революція несходитъ у васъ съ языка, но въ душѣ вы ей не вѣрите.

Да, вы не вѣрите въ возможность кроваваго переворота! Въ противномъ случаѣ, вы не могли бы поставить его въ зависимость отъ такого условія (сознаніе и пониманіе большинствомъ его правъ и потребностей), при которомъ онъ немыслимъ. Вы не могли бы сдѣлать однимъ изъ *основныхъ* и *неизмѣнныхъ* пунктовъ программы своего журнала положенія: „*Лишь тогда*, когда теченіе историческихъ событій укажетъ само(?!) минуту переворота и готовность къ нему народа русскаго, *можно считать* себя въ правѣ призвать народъ къ осуществленію этого перевовота (кн. I, стр. 14, Наша программа.)." Кому это „*можно считать себя въ правѣ* . . ." и т. д.? Вамъ? Но, не намъ.

Неужели вы не понимаете, что революціонеръ всегда считаетъ и долженъ считать себя въ правѣ призывать народъ къ возстанію; что тѣмъ то онъ и отличается отъ философа-филистера, что не ожидая пока *теченіе историческихъ событій само укажетъ минуту*, онъ выбираетъ ее самъ, что онъ признаетъ народъ *всегда* готовымъ къ революціи.

Нѣтъ, вы это понимаете, и потому то вы и поспѣшили включить ваше положеніе въ число основныхъ пунктовъ програмы. Вы хотѣли этимъ дать понять кому слѣдуетъ, что васъ нельзя смѣшивать съ *настоящими* революціонерами, революціонерами практиками, что, хотя вы и толкуете о революціи, но совсѣмъ не о той, къ которой они стремятся, что *ваша* революція совершенно *особая*, никому никакими опасностями въ настоящемъ не грозящая, что она возможна лишь въ отдаленномъ будущемъ „когда теченіе историческихъ событій само укажетъ минуту,“ когда народъ будетъ приготовленъ къ ней, т. е. пойметъ и сознаетъ свои права и потребности.

Этимъ то вашимъ *невѣріемъ* въ возможность революціи (т. е. революціи настоящей, а не той призрачной, которою вы замѣняете неблагозвучныя слова „мирный прогрессъ“) объясняются ваши отношенія къ нашей революціонной молодежи, совѣты, съ которыми вы къ ней обращаетесь, наконецъ ваши взгляды на задачи революціоннаго журнала.

Кто не вѣритъ въ возможность революціи въ настоящемъ, тотъ не вѣритъ въ народъ, не вѣритъ въ его приготовленность къ ней; тотъ долженъ искать *внѣ* народа какихъ нибудь силъ, какихъ нибудь элементовъ, которые могли бы подготовить его къ перевороту. Вы ищите этихъ силъ въ среди нашей интелегентной молодежи. Вы думаете, что эта молодежь должна отправиться въ народъ и „уяснить ему его потребности, подготовить къ самостоятельной и сознательной дѣятельности для достиженія ясно понятыхъ цѣлей“ (кн. I, стр. 14). Лишь слѣдуя вашему совѣту, она, увѣряете вы, „можетъ считать себя дѣйствительно полезнымъ участникомъ въ современной подготовкѣ лучшей будущности Россіи“ (id.).

Всякую другую революціонную дѣятельность, не направленную къ „уясненію и подготовленію“ народа, вы считаете, такимъ образомъ, *безполезною*. Конечно, съ вашей точки зрѣнія вы правы. Вѣдь всѣ другія революціонныя дѣятельности, до которыхъ такъ падка наша молодежь,—всѣ эти агитаціи, демонстраціи, заговоры и т.п., все это имѣетъ своею ближайшею цѣлью вызвать то, что вы называете “*искуственною* революціею“ (стр. 16). Ну, а вы хотите *естественной*, требующей предварительнаго „уясненія“ и „подготовленія,“ наступающій по указанію „теченія историческихъ событій.“ Гр. Шуваловъ, если бы онъ читалъ вашъ журналъ*, долженъ бы былъ васъ поблагодарить за это остроумное раздѣленіе революцій на естественныя и искуственныя.

Если вамъ удастьея убѣдить молодежь въ безполезности послѣднихъ, и въ необходимости первыхъ, то III-му Отдѣленію придется почить на лаврахъ. Дѣлатели *искуственныхъ революцій*, только ему и опасны, только съ ними оно борется, только они причиняютъ ему всего больше хлопотъ и печалей. Ваша же „естественная революція“ едва ли его особенно обезпокоитъ: въ ея возможность оно вѣритъ вѣроятно, ровно столько же сколько вы вѣрите въ возможность революціи „искуственной.“ При томъ же, ваши дальнѣйшія совѣты юношамъ должны убѣдить его, что „дѣла-

*) Судя, однако, по тѣмъ преслѣдованіямъ, которымъ онъ подвергаетъ юношей за чтеніе „Впередъ,“ можно думать, что самъ онъ его не читаетъ. Или, уже онъ тоже начинаетъ заражаться философіею. О, графъ прилично ли жандармскому генералу философствовать, прилично ли ему мучить себя ея призраками? Жандармъ можетъ пользоваться ея услугами спору нѣтъ,—но, вѣрить въ ея утопіи, трепетать передъ созданнымъ ею фантомомъ какой-то „естественной революціи,“ — это право даже не прилично.

тели естественныхъ революцій“ не будутъ ему слишкомъ надоѣдать, что это будутъ люди, солидные и терпѣливые, привыкшіе „въ потѣ лица своего подвизаться, на поприщѣ „*саморазвитія*“ и „*самоперевоспитанія*,“ постоянно обогащающіе себя „солидными и основательными знаніями.“ Какой же вредъ можетъ произойти отъ такихъ благонамѣренныхъ подвижниковъ?

„Лишь строгою личною и усиленною подготовкою, говорите вы, можно выработать въ себѣ *возможность (одну только еще возможность!)* полезной дѣятельности среди народа.

„Лишь внушивъ народу довѣріе къ себѣ, *какъ личности* (а то еще какъ же?) можно создать необходимыя условія подобной дѣятельности.“

Оба эти положенія вы признаете неизмѣнными членами своего революціоннаго символа вѣры (ваша программа, кн. I, стр. 16). Затѣмъ въ статьяхъ „Знанія и Революція“ (кн. I) и „Революціонеры изъ привилигированной среды“ (кн. II) вашъ журналъ подробно развиваетъ въ чемъ именно должны состоять „эта строгая усиленная подготовка“ и это „внушеніе народу довѣрія къ себѣ какъ личности.“

Общій смыслъ и заключительный выводъ обѣихъ статей таковъ: юноши если вы хотите быть революціонерами (въ смыслѣ т. е. “уяснителей“ и „подготовителей“), то прежде всего учитесь: „выработайте въ себѣ критическую силу мысли правильными методами“ (кн. I, стр. 225), изучите спеціально какую нибудь отрасль науки (стр. 229), „обогатите свой умъ серьезнымъ и основательнымъ знаніемъ“ (кн. II, стр. 148), передѣлайте и перевоспитайте себя физически и нравственно на столько, чтобы бодро переносить всѣ лишенія, не гнуться при всякихъ невзгодахъ“ (ib.).

Вотъ совѣтъ, съ которымъ вашъ журналъ счи-

таетъ теперь удобнымъ и своевременнымъ обращаться къ молодежи. Я уже нѣсколько разъ, м. г., въ личныхъ бѣсѣдахъ съ вами, говорилъ вамъ, что я думаю о подобныхъ совѣтахъ. И теперь, когда я опять коснулся ихъ — я не могу удержаться, чтобы не выразить снова и снова того чувства глубокого негодованія, которое они всегда возбуждали во мнѣ.

Какъ! Страданія народа съ каждымъ днемъ все возрастаютъ и возрастаютъ; съ каждымъ днемъ, цѣпи деспотизма и произвола все глубже и глубже впиваются въ его измученное и наболѣвшее тѣло, съ каждымъ днемъ петля самодержавія все туже и туже затягивается на нашей шеѣ, — а вы говорите: подождите, потерпите, не бросайтеся въ борьбу, сначала поучитесь, перевоспитайте себя.

О, боже, неужели это говоритъ *живой* человѣкъ *живымъ* людямъ. Ждать! Учиться, перевоспитываться! Да имѣемъ ли мы право ждать? Имѣемъ ли мы право тратить время на перевоспитаніе! Вѣдь каждый часъ, каждая минута, отдаляющая насъ отъ революціи, стоитъ народу тысячи жертвъ, мало того, оно уменьшаетъ самую вѣроятность успѣха переворота. Пока, самый сильный и могущественный врагъ, съ которымъ намъ приходится бороться, — это наше правительство съ его военными силами, съ его громадными матеріальными средствами. Между нимъ и народомъ не существуетъ еще никакой посредствующей силы, которая могла бы на долгое время остановить и удержать народное движеніе, разъ оно началось.

Сословіе нашихъ землевладѣльцевъ, взятое само по себѣ, разрозненно, слабо, и какъ, по своей численности, такъ и по своему экономическому положенію совершенно ничтожно. Наше tiers etat состоитъ болѣе чѣмъ на половину изъ пролета-

ріевъ, изъ нищихъ, и только въ меньшинствѣ ея начинаютъ выработываться настоящіе буржуа въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова.

Но, конечно, нельзя надѣяться на слишкомъ долгое существованіе этихъ благопріятныхъ для насъ общественныхъ условій; хотя тихо и вяло, но все же мы кое-какъ подвигаемся по пути экономическаго развитія. А это развитіе подчинено тѣмъ же законамъ и совершается въ томъ же направленіи, какъ и экономическое развитіе западно-европейскихъ государствъ.

Община уже начинаетъ разлагаться; правительство употребляетъ всѣ усилія, чтобы уничтожить и разорить ее въ конецъ: въ средѣ крестьянства выработывается классъ *кулаковъ*, покупщиковъ и съемщиковъ крестьянскихъ и помѣщичьихъ земель—мужицкая аристократія. Свободный переходъ поземельной собственности изъ рукъ въ руки, съ каждымъ днемъ встрѣчаетъ все меньше и меньше препятствій, расширеніе земельнаго кредита, развитіе денежныхъ операцій съ каждымъ днемъ становятся все значительнѣе. Помѣщики volens nolens поставлены въ необходимость вводить усовершенствованія въ системѣ сельскаго хозяйства. А прогрессъ сельского хозяйства идетъ обыкновенно рука объ руку съ развитіемъ туземной фабричной промышленности, съ развитіемъ городской жизни. Такимъ образомъ, у насъ уже существуютъ въ данный моментъ всѣ условія для образованія, съ одной стороны, весьма сильнаго консервативнаго класса крестьянъ-землевладѣльцевъ и фермеровъ, съ другой денежной, торговой, промышленной, капиталистической буржуазіи. А помѣрѣ того, какъ классы эти будутъ образовываться и укрѣплятьcя, положенія народа неизбѣжно будетъ ухудшаться, и шансы на успѣхъ насильственного переворота становиться все болѣе и болѣе проблематическими.

Вотъ почему мы не можемъ ждать. Вотъ почему мы утверждаемъ, что революція въ Россіи настоятельно необходима, и необходима именно *въ настоящее время*: мы не допускаемъ никакихъ отсрочекъ, никакого промедленія. *Теперь* или очень нескоро, быть можетъ, *никогда*! *Теперь* обстоятельства за насъ, черезъ 10, 20 лѣтъ они будутъ противъ насъ. Понимаете ли вы это? Понимаете ли вы истинную причину нашей торопливости, нашего нетерпѣнія?

IV.

М. Г., я думаю, что вы не можете этого понять, не можете, потому что въ васъ нѣтъ той вѣры, которая составляетъ нашу *силу*. Вы не вѣрите въ революцію, вы не вѣрите въ народъ, вы не вѣрите, что онъ можетъ совершить ее безъ *предварительной* подготовки. Точно также вы не вѣрите и въ нашу революціонную молодежь; вы не вѣрите, что она уже готова къ революціонной дѣятельности. И въ томъ и въ другомъ случаѣ причина вашего невѣрія одна и таже: постоянное смѣшеніе понятія революціи съ понятіемъ мирнаго прогресса. Вы думаете, будто революціи всегда должно предшествовать, что она всегда должна подготовляться *знаніемъ*, будто *знаніе* прологъ революціи.

Въ нашемъ народѣ вы видите полное отсутствіе знанія и вы говорите, что народъ еще не готовъ для революціи. Замѣчая, что и наша молодежь по части *знаній* не особенно сильна, вы находите, что и она еще недостаточно подготовлена къ революціонной дѣятельности, вы совѣтуете ей поучиться, а потомъ заняться обученіемъ народа. И конечно, съ

вашей скрытой, потаенной точки зрѣнія, той точки которую вы никогда не рѣшитесь открыто высказать, но съ которой вы и вашъ журналъ никогда не сходятъ, съ точки зрѣнія мирнаго прогресса,— вы правы, тысячу разъ правы. Всякій кто хочетъ содѣйствовать *мирному* прогрессу, долженъ учиться, учиться и учиться, накоплять и распространять знанія; онѣ необходимое условіе этого прогресса. Но они совсѣмъ не необходимое условіе революціи. Они создаютъ прогрессъ; но не они создаютъ революцію.

Революціи дѣлаютъ революціонеры, а революціонеровъ создаютъ данныя соціальныя условія, окружающей ихъ среды. Всякій народъ, задавленный произволомъ, измученный эксплуататорами, осужденный изъ вѣка въ вѣкъ поить своею кровью, кормить своимъ тѣломъ праздное поколѣніе тунеядцевъ, скованный по рукамъ и по ногамъ желѣзными цѣпями экономическаго рабства, всякій такой народъ (а въ такомъ положеніи находятся *всѣ* народы) въ силу самыхъ условій своей соціальной среды—естъ революціонеръ; онъ всегда *можетъ*; онъ всегда *хочетъ* сдѣлать революцію; онъ всегда готовъ къ ней. И если онъ въ дѣйствительности не дѣлаетъ ее, если онъ въ дѣйствительности съ ослинымъ терпѣніемъ продолжаетъ нести свой мученическій крестъ. . . то это только потому, что въ немъ забита всякая внутренняя инициатива, что у него не хватаетъ *духа* самому выйти изъ своей колеи; но разъ какой нибудь внѣшній толчокъ, какое нибудь неожиданное столкновеніе, выбили его изъ нея—и онъ подымается какъ бурный ураганъ, и онъ дѣлаетъ революцію.

Наша учащаяся молодежь точно также въ большинствѣ случаевъ находится въ условіяхъ благопріятныхъ для выработки въ ней революціоннаго настроенія. Наши юноши—революціонеры не въ

силу своихъ знаній, а въ силу своего соціальнаго положенія. Большинство ихъ—дѣти родителей пролетаріевъ или людей весьма не далеко ушедшихъ отъ пролетаріевъ. Среда ихъ выростившая состоитъ либо изъ бѣдняковъ въ потѣ лица своего добывающихъ хлѣбъ, либо живетъ на хлѣбахъ у государства; на каждомъ шагу она чувствуетъ свое экономическое безсиліе, свою зависимость. А сознаніе своего безсилія, своей необезпеченности, чувство зависимости—всегда приводятъ къ чувству недовольства, къ озлобленію, къ протесту.

Правда, въ положеніи этой среды есть и другія условія, парализующія дѣйствіе экономической нищиты и политической зависимости; условія до извѣстной степени примѣряющія съ жизнью, потому что онѣ даютъ возможность эксплуатировать чужой трудъ; условія, заглушающія недовольство, забивающіе протестъ, развивающіе въ людяхъ тотъ узкій, скотскій эгоизмъ, который не видитъ нечего дальше своего носа, который приводитъ къ рабству и тупому консерватизму. Но юноши еще не охваченныя губительнымъ вліяніемъ условій втораго рода, еще не втянувшіеся въ будничную практику пошлой жизни, не успѣвшіе присосаться ни къ одному изъ легализированныхъ способовъ грабежа и эксплуатаціи,—юноши не видящіе ничего въ будущемъ, кромѣ необезпеченности и зависимости,—вынесшіе изъ прошлаго безотрадныя воспоминанія о всякого рода униженіяхъ и страданіяхъ, которымъ зависимость и нищета подвергаетъ человѣка,—эти юноши, едва они начинаютъ сознательно мыслить, невольно, неизбѣжно приходятъ къ мысли о необходимости революціи, невольно, неизбѣжно становятся революціонерами. Въ революціи они видятъ единственную возможность выйти изъ того положенія, въ которое втиснули ихъ данныя

экономическія и политическія условія нашей соціальной жизни.*

Вотъ почему, почти вся наша революціонная партія слагается изъ одной учащейся молодежи, вотъ почему никакія гоненія, никакія ухищренія III-го Отдѣленія, никакіе Голицыны, Му-

---

*) Можетъ быть для васъ, м. г., для васъ, не знающихъ молодежь, не понимающихъ ни ея стремленій, ни ея идеаловъ, — чуждыхъ ея духу, — можетъ быть, для васъ, говорю я, — всѣ эти мои соображенія покажутся недостаточно убѣдительными. Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ сослаться на слова одного изъ типическихъ представителей нашей современной молодежи. Вы можете видѣть конкретное подтвержденіе моихъ отвлеченныхъ абстрактныхъ умозаключеніяхъ.

„Кто мы и чего должны мы хотѣть въ силу самой необходимости?“ Вотъ вопросъ, который поставилъ Нечаевъ въ первомъ номерѣ „Общины,“ — и вотъ какъ онъ отвѣчалъ на него:

„Мы, дѣти голодныхъ, задавленныхъ лишеніемъ отцовъ, доведенныхъ до отупѣнія и идіотизма матерей.

„Мы, взросшіе среди грязи и невѣжества, среди оскорбленій и униженій; съ колыбели презираемые и угнетаемые всевозможными негодяями, счастливо живущими при существующемъ порядкѣ.

„Мы, для которыхъ семья была преддверіемъ каторги, для которыхъ лучшая пора юности прошла въ борьбѣ съ нищетой и голодомъ, пора любви, пора увлеченій въ суровой погони за кускомъ хлѣба.

„Мы, у которыхъ все прошлое переполнено горечью и страданіями, въ будущемъ тотъ же рядъ униженія, оскорбленій, голодныхъ дней, безсонныхъ ночей, а въ концѣ-концовъ суды, остроги, тюрьмы, рудники или висѣлица.

„Мы находимся въ положеніи невыносимомъ; и, такъ или иначе хотимъ выйти изъ него.

„Вотъ почему въ измѣненіи существующаго порядка общественныхъ отношеній заключаются всѣ наши желанныя стремленія, всѣ завѣтныя цѣли.

„Мы можемъ хотѣть только народной революціи.

„Мы хотимъ ее и произведемъ ее.“

(Община, No. I, стр. 3.)

равьевы, Шуваловы и Левашовы, ни тюрьмы, ни крѣпости, ни ссылки, ни каторга, ни висилицы, ни растрѣливанія — ничто и никто не можетъ выкурить изъ нея *революціоннаго духа*—этого *„корня всѣхъ золъ“*.

Напрасно царскіе опричники, съ какимъ-то дикимъ бѣшенствомъ, топчутъ и давятъ молодыя силы, напрасно пускаютъ они въ ходъ всѣ возможныя и невозможныя средства, чтобы устрашить, запугать, или, хоть, развратить молодежь, напрасно, возстановляютъ они противъ нее общественное мнѣніе, бросаютъ въ нее грязью и инсинуаціями, напрасно—ни ихъ угрозы, ни ихъ ласки, ни ихъ кары, ни ихъ преслѣдованія, ни ихъ клеветы—ничто не можетъ одолѣть ее. Десятки, сотни юношей ежегодно гибнутъ въ этой неровной борьбѣ, но на мѣстѣ погибшихъ борцовъ, сейчасъ же являются новые и борьба продолжается почти безъ отдыха, безъ перерывовъ.

Это точно какая-то сказочная тысячеголовая гидра: отрубятъ одну голову, на ея мѣстѣ выростаетъ другая сейчасъ же! И ни въ одномъ царскомъ арсеналѣ нѣтъ такого орудія, которымъ можно бы было ее убить. Чтобы ее убить нужно измѣнить соціальныя условія той среды, изъ которой выходитъ наша учащаяся молодежь, нужно перестроить за ново все зданіе нашей общественной жизни, т. е. деспотическое государство должно убить прежде всего само себя. Въ этой то *неуничтожимости* (при данныхъ, разумѣется, условіяхъ), въ этой, такъ сказать, *безсмертности* нашей революціонной молодежи и заключается одинъ изъ основныхъ элементовъ ея *силы*. На сознаніи этой силы она основываетъ свою *вѣру* въ свое революціонное призваніе. И эта вѣра, одушевляя и вдохновляя юношей, даетъ имъ смѣлость мужественно поддерживать неравную борьбу съ ихъ страшнымъ врагомъ, укрѣпляетъ ихъ

энергію, поощряетъ ихъ на отважные подвиги, дѣлаетъ изъ нихъ героевъ.

Согласитесь, м. г., что вѣра для нихъ необходима, что безъ нея они превратятся въ пустыхъ, холодныхъ резонеровъ, что она вѣрный залогъ и неизбѣжное условіе ихъ успѣха. Если вы согласитесь съ этимъ, вы должны будете согласиться и съ обратнымъ положеніемъ. Вы должны будете согласиться, что каждый человѣкъ, который старается разрушить, убить эту вѣру, который подкапывается подъ ея основаніе, что такой человѣкъ дѣйствуетъ во вредъ революціонной партіи, что онъ деморализируетъ революціонную молодежь, парализируетъ ея дѣятельность, что онъ врагъ революціи!

Не такъ ли?

V

А между тѣмъ, м. г., вы именно и дѣйствуете въ этомъ смыслѣ. Не имѣя въ себѣ той вѣры, которая насъ одушевляетъ, вы хотите отнять ее и у молодежи. „Мы утверждаемъ, говоритъ вашъ журналъ, что типъ молодежи русской вовсе не революціонный; что если и выходятъ изъ этой среды искренніе и горячіе борцы за народное освобожденіе, то эти борцы представляютъ собою каплю въ морѣ, случайное исключеніе..." (Кн. 2, стр. 128, Революціонеры изъ привиллегированной среды.) По мнѣнію вашего журнала, и если я не ошибаюсь, вашему собственному,— типъ нашей молодежи чисто буржуазный, всѣ ея стремленія, всѣ ея идеалы вращаются около вопросовъ личного благополучія, она насквозь пропитана узкимъ эгоизмомъ, ея истинные интересы состоятъ не въ томъ, чтобы

разрушать, а напротивъ въ томъ, чтобы поддерживать и защищать существующій порядокъ, потому будто бы, что этотъ порядокъ выгоденъ для нея, молодежи; она нравственно испорчена, она отличается „типичною поверхносностью мысли и чувства;“ она невѣжественна, легкомысленна и. т. д. Вы составляете противъ нея цѣлый обвинительный актъ болѣе строгій и рѣзкій, чѣмъ тѣ обвинительные акты, которые, подъ диктовку III-го Отдѣленія, писались и пишутся г.г. Авенаріусами, Стебницкими, Писемскими и Крестовскими съ братіей.

Конечно я далекъ отъ мысли предполагать будто у васъ и у этихъ господъ одни и тѣже руководящіе мотивы, одни и тѣже цѣли. Нѣтъ; наемные писаки инсинуировали на молодежь для того, чтобы дискредитировать ее во мнѣніи общества; вы же обличаете ее для того, чтобы дискредитировать ея вѣру въ ея силы, ея вѣру въ ея революціонное призваніе. Наемные писаки хотѣли отвратить общество отъ его революціонной молодежи; вы же хотите отвратить молодежь отъ ея революціонной дѣятельности.

Вотъ существенная разница между вами и ими: я ее не отвергаю. Но я утверждаю, что съ точки зрѣнія интересовъ революціонной партіи, ваша *радикально-революціонная* пропаганда гораздо вреднѣе реакціонно-полицейской пропаганды нашихъ литературныхъ сыщиковъ. Ихъ грязныя сплетни не могли оказать никакого деморализирующаго вліянія на нашу молодежь, не могли ослабить и разсѣдить и нашу революціонную армію.

Ваши же обличенія могутъ это сдѣлать, могутъ, потому что они подрываютъ у большинства молодежи вѣру въ возможность для нея непосредственной практической революціонной дѣятельности. Вы ставит между нею и этою *возможностью* высокую

стѣну, которая называется на вашемъ языкѣ „строгой, усиленной личной подготовкой“; только тѣ, у кого хватитъ силы перелѣзть черезъ нее, у кого хватитъ выносливости, время и способности благополучно пройти проэктируемый вами *воспитательный искусъ* (Кн. 2, стр. 148, Революціонеры привиллегированной среды.), только для этихъ счастливцевъ и открывается возможность полезной дѣятельности на пользу народа. Остальные, ненужные трутни, имъ нѣтъ мѣста въ рядахъ революціонной партіи, для нихъ нѣтъ прибора за революціонной трапезой, имъ не дано причаститься изъ той святой чаши, которая, по словамъ покойнаго Добролюбова, не должна миновать никого изъ насъ „кто самъ ее не оттолкнетъ.“*

Можетъ быть вы скажете, что люди, не желающіе или не могущіе подвергаться вашему воспитательному искусу, что они *сами* отталкиваютъ отъ себя *святую чашу*. О, нѣтъ, м. г., не они ее отталкиваютъ: къ ней они жадно простираютъ свои руки; но зачѣмъ же, вмѣсто этой чаши, вы суете имъ нѣкоторый другой сосудъ, совсѣмъ непривлекательный ни по своему внѣшнему виду, ни по своему содержанію.

Конечно, съ своей точки зрѣнія, вы вполнѣ правы

---

*) Я не забылъ, что, при личныхъ разговорахъ со мною объ этомъ предметѣ, вы, м. г., сдѣлали мнѣ весьма важную уступку. Вы соглашались со мною, что революціонная дѣятельность ни для кого не должна быть закрыта, что всякій, кто только желаетъ, тотъ и можетъ, тотъ и долженъ ею заниматься.

Это было очень любезно съ вашей стороны. Но, извините меня, я и тогда не вѣрилъ въ искренность вашей уступки, я не вѣрю ей и теперь. Вѣдь она находится въ прямомъ противурѣчіи съ тѣмъ пунктомъ вашей программы, который приведенъ у меня выше, въ текстѣ, и который вы считаете однимъ изъ „основныхъ и неизмѣнныхъ пунктовъ.“

поступая такимъ образомъ, и я васъ не обвиняю, я хочу лишь раскрыть передъ вами практическія послѣдствія вашей пропаганды, тотъ вредъ, который она можетъ нанести интересамъ нашей революціонной партіи.

До сихъ поръ я разсматривалъ значеніе этой пропаганды и стороны ея вліянія на революціонную молодежь.

Съ этой стороны, я признаю ее вредною въ четырехъ отношеніяхъ. Она вредна, во первыхъ, потому что вы спутываете понятіе молодежи, подтасовывая идею революціи идеей мирнаго прогресса; беря на себя роль защитника первой, вы въ сущности защищаете лишь вторую; и нападая на попытки вызвать революцію *искуственно*, вы этимъ самымъ дискредитируете въ глазахъ нашихъ юношей революцію вообще.

Во вторыхъ, она вредна потому что тотъ путь, на который вы указываете молодежи, какъ на единственный полезный въ дѣлѣ подготовленія революціи, совсѣмъ не единственный, и идя по немъ, она будетъ не приближаться, а скорѣе удаляться отъ возможности осуществленія насильственнаго переворота въ ближайшемъ будущемъ; она будетъ работать не для торжества революціи въ *настоящемъ*, а для торжества мирнаго прогресса въ *будущемъ*.

Въ третьихъ, ваша пропаганда вредна, потому что, вмѣсто того, чтобы возбуждать и подстрекать молодежь къ непосредственной практической революціонной дѣятельности, она отвлекаетъ отъ нея проповѣдуя революціонерамъ не столько необходимость, настоятельную необходимость этой дѣятельности, сколько необходимость „строгой и усиленной подготовки къ ней". Притомъ же ваши совѣты насчетъ „самообразованія" и „самовоспитанія" не соотвѣтствуютъ ни соціальному положенію нашей

революціонной среды, ни господствующему среди нее настроенію и рѣзко противорѣчатъ съ тѣми святыми обязанностями, которыя страданія народа налагаютъ на каждаго революціонера.

Въ четвертыхъ, она вредна, потому что подрываетъ въ молодежи вѣру въ ея силы, въ возможность для нея непосредственной революціонной дѣятельности, въ возможность самой революціи въ ближайшемъ будущемъ.

VI.

Отношенія журнала къ молодежи и революціонной партіи въ значительной разумѣется степени, опредѣляютъ основной характеръ его направленія и его взглядъ на задачи журнально-революціонной пропаганды вообще. Однако же, одними этими отношеніями еще не исчерпывается вполнѣ весь тотъ вредъ или вся та польза, которую онъ можетъ принести нашей революціоной партіи.

На органѣ этой партіи лежитъ двѣ обязанности: съ одной стороны, онъ долженъ возбуждать партію къ дѣятельности, разъяснять ей пути этой дѣятельности, развивать и защищать ея программу, содѣйствовать ея объединенію ея и организаціи, съ другой они должны служить въ ея рукахъ практическимъ орудіемъ борьбы ея съ установленнымъ порядкомъ, средствомъ революціонной агитаціи.

Я показалъ вамъ, м. г., что вашъ журналъ не удовлетворяетъ первой задачи, что онъ, указывая на слишкомъ исключительныя пути революціонной дѣятельности и устраняя всѣ другіе (путь непосредственной народной агитаціи, путь заговоровъ)

какъ безполезные и даже вредные,* вноситъ въ партію разъединеніе, дезорганизируетъ ея наличныя силы и извращаетъ ея программу; подрывая въ ней вѣру въ свои силы и въ возможность революціи въ близкомъ будущемъ, увѣряя ее въ недостаточной подготовленности къ ней народа и т. д. онъ ослабляетъ и парализируетъ ея энергію,

---

*) Во время нашихъ личныхъ объясненій по этому поводу, вы, въ принципѣ, согласились со мною, что для осуществленія революціи недостаточно одного только уясненія народу его правъ и потребностей, недостаточно одной только пропаганды, нужна и непосредственная агитація (т. е. непосредственный призывъ народа къ бунту, непосредственное возбужденіе въ немъ революціонныхъ страстей) и государственный заговоръ. Но ваша уступка, какъ всякая вынужденная уступка, была уступкою только на половину. Да, вы согласились вмѣстѣ со мною признавать полезность и необходимость заговора и народной агитаціи, но, вы все-таки остались при томъ убѣжденіи, что обѣ эти средства — какъ средства непосредственно вызывающія переворотъ — могутъ быть примѣнимы къ практикѣ лишь тогда только, когда „мы будемъ считать себя въ правѣ призвать народъ къ осуществленію этого переворота" (дословный пунктъ вашей программы). А право это, опять таки говорю вашими же словами, мы получимъ „лишь тогда, когда теченіе историческихъ событій укажетъ само минуту переворота и готовность къ нему народа русскаго" (кн. I, стр. 14). Пока же этого указанія еще не воспослѣдовало, пока народъ еще не подготовленъ къ перевороту, т. е. пока „онъ не уяснилъ себѣ свои права обязанности и потребности" — до тѣхъ поръ вы признаете только одинъ путь — идти въ народъ, — только одну дѣятельность — пропаганду народу разумныхъ соціальныхъ идей — возможною и полезною. На всѣ другія пути и дѣятельности вы смотрите, или покрайней мѣрѣ, должны смотрѣть, съ точки зрѣнія вашей программы, какъ на попытки искусственно вызвать революцію, — а такія попытки, говорите вы (кн. стр. 15), „едва ли могутъ быть оправданы въ глазахъ того, кто знаетъ, какъ тяжело ложатся всякія общественныя потрясенія на самое бѣдное большинство. ."

направленную къ непосредственному осуществленію насильственнаго переворота.

Удовлетворяетъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, второй своей задачѣ—служитъ ли онъ средствомъ практической революціонной агитаціи?

Вы помните, м. г., что именно около этого вопроса вертѣлись самые жаркіе, самые долгіе наши споры. Въ этихъ спорахъ вполнѣ выяснился и опредѣлился вашъ взглядъ и взглядъ вашего журнала на задачи современной революціонной пропаганды. Вы и ваши сотрудники, ваши alter ego, прямо и категорически заявили мнѣ, что времена „герценовской" (т. е. практическо-революціонной) агитаціи прошли безвозвратно, что теперь нужно не агитировать общество, а разъяснять ему разумныя раціонально-экономическія идеи."

Въ программѣ своей вы говорите: „Для насъ (т. е. для васъ) въ настоящую минуту существуетъ двѣ общечеловѣческія цѣли, двѣ борьбы, въ *которыхъ долженъ участвовать всякій мыслящій человѣкъ, становясь на сторону прогресса или реакціи*" . . . „это во первыхъ, борьба реальнаго міросозерцанія противъ міросозерцанія богословскаго„ . . . „это во вторыхъ, борьба труда противъ празднаго пользованія благами жизни, борьба полной равноправности личности противъ монополіи во всѣхъ ея формахъ и проявленіяхъ. . . . короче говоря, борьба за реализацію справедливѣйшаго строя общества" (стр. 3). Да, конечно, въ этой двоякой борьбѣ долженъ принимать участіе всякій нетолько мыслящій, но просто даже честный человѣкъ, становясь или на сторону *реакціи* или *прогресса*, потому что эта борьба есть борьба между реакціей и прогрессомъ.

Замѣтьте, м. г., между *прогрессомъ*, а совсѣмъ не революціей. Оттого то и участвовать въ ней долженъ всякій, какъ другъ *мирнаго* и врагъ про-

гресса *бурнаго*, революціоннаго, такъ и тотъ, который отрицаетъ мирный прогрессъ и стоитъ за бурный.

Слѣдовательно, поднимая знамя этой *и только этой* борьбы — вы боретесь за прогрессъ вообще, а не за революцію въ частности. Широкое знамя прогресса весьма легко и удобно прикрываетъ всевозможныя философско-филистерскія измышленія всевозможныхъ постепеновцевъ; подъ нимъ могутъ сойтися всѣ оттѣнки прогрессивной партіи, начиная отъ буржуа-либерала до соціалиста-революціонера. Оно для насъ не годится; намъ нужно знамя, которое бы съ большею точностью, ясностью и опредѣленностью выражало наши совершенно точныя, ясныя и опредѣленныя стремленія и идеалы — стремленія и идеалы русской революціонной партіи. Потому *ваше знамя не есть знамя этой партіи*.

Я не отвергаю, м. г., что и подъ этимъ знаменемъ можно работать на пользу русской революціи; но оно не даетъ никакихъ гарантій, что борцы, собравшіеся около него будутъ работать именно въ *этомъ* смыслѣ. Нисколько не измѣняя ему, они могутъ работать противъ насильственнаго переворота, во вредъ практическимъ интересамъ революціонной партіи. Тутъ все зависитъ отъ того, *какъ* они поведутъ свою борьбу.

Есть, м. г., два метода, два способа борьбы (я говорю здѣсь, конечно, только о борьбѣ литературной, *чернильной*, о борьбѣ „*перушками и книжками*“) съ даннымъ, исторически выработавшимся строемъ общественныхъ отношеній. Можно бороться съ нимъ, доказывая нелѣпость, нелогичность и несправедливость общихъ, т. е. экономическихъ принциповъ, лежащихъ въ его основѣ. Можно бороться съ нимъ, возставая преимущественно на тѣ конкретныя формы, экономическія,

юридическія, политическія и т. д., въ которыхъ эти принципы воплощаются. Иными словами, главнымъ центромъ нападеній можно сдѣлать или *общіе принципы* или ихъ *практическія послѣдствія*. Борьбу съ точки зрѣнія общихъ принциповъ можно назвать борьбою преимущественно *научною, философскою*; борьба же съ точки зрѣнія конкретныхъ послѣдствій всегда имѣетъ характеръ по преимуществу *практическій, агитаторскій*.

Борьба перваго рода, имѣя постоянно дѣло съ отвлеченными принципами, абстрагируя къ нимъ единичные факты, отнимаетъ отъ этихъ фактовъ ихъ индивидуальный образъ, ихъ живую конкретность. Борьба втораго рода, наоборотъ, все свое вниманіе сосредоточиваетъ на частныхъ, единичныхъ явленіяхъ, и, не углубляясь въ отыскиваніе ихъ отдаленнѣйшихъ причинъ, старается только представить все ихъ безобразіе во всей его реальной наготѣ.

Отсюда тѣ, которые желаютъ воздѣйствовать извѣстнымъ образомъ на *умы* своихъ современниковъ, на ихъ *сознаніе*, предпочитаютъ первый способъ борьбы; тѣ же, которые хотятъ вліять извѣстнымъ образомъ на ихъ *практическую дѣятельность* — второй.* Одни развиваютъ мысль въ критическомъ направленіи, другіе — возбуждаютъ аффекты. Изъ суммы этихъ аффектовъ, правда,

---

*) Можетъ быть вы замѣтите мнѣ на это, что все что вліяетъ на умъ, на сознаніе человѣка, тѣмъ самымъ вліяетъ и на его практическую дѣятельность. Но, это невѣрно. Внушить человѣку разумные, нравственные принципы еще не значитъ сдѣлать его нравственнымъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ и поступкахъ. Убѣдить человѣка въ несправедливости и нелѣпости основъ историческаго общества—еще незначитъ сдѣлать его революціонеромъ. Только очень немногіе люди живутъ „по принципамъ“—у большинства же практическая дѣятельность не находится ни въ какой непосредственной зави-

подчасъ довольно мелкихъ и скоропреходящихъ, слагается то общее чувство недовольства существующимъ порядкомъ, то общее желаніе поскорѣе освободиться отъ него, которое, въ практической жизни, часто служитъ болѣе могущественнымъ стимуломъ для борьбы, чѣмъ ясное и вполнѣ отчетливое пониманіе *принципіальныхъ* недостатковъ этого порядка.

Изъ различнаго характера этихъ двухъ видовъ борьбы вытекаетъ и различное отношеніе борцовъ къ фактамъ окружающей ихъ реальной жизни. Борцы - философы, теоретики останавливаютъ свое исключительное вниманіе лишь на тѣхъ фактахъ, которые имѣютъ наиболѣе близкое отношеніе къ общимъ экономическимъ принципамъ существующаго порядка; на тѣхъ фактахъ, въ которыхъ эти общіе принципы выражаются всего рѣзче, всего нагляднѣе. Борцы - агитаторы, практики, напротивъ, съ особенною силою напираютъ только на тѣ факты, которые всего рѣзче бьютъ въ глаза, съ которыми чаще всего сталкиваются данные слои общества, отъ которыхъ они всего сильнѣе страдаютъ, которые всего болѣе поражаютъ своею внѣшнею грубостью и безобразіемъ. При этомъ они нисколько не заботятся о томъ, какое отношеніе имѣютъ эти факты къ общимъ принципамъ; при выборѣ ихъ, они соображаются лишь съ ус-

---

симости отъ теоретическаго міросозерцанія; не рѣдко даже, первое прямо противоположно второму. Конечно, это весьма печально, но, тѣмъ неменѣе это фактъ— фактъ, который не рѣшится отрицать ни одинъ человѣкъ, живущій среди живыхъ людей, а не безплотныхъ призраковъ собственной фантазіи. Я знаю, м. г., что философы часто его игнорируютъ и, увлекаясь предметомъ своихъ постоянныхъ занятій, приписываютъ знанію гораздо большее вліяніе на ходъ человѣческихъ дѣлъ, чѣмъ оно имѣетъ въ дѣйствительности. Но, тѣмъ хуже для философовъ.

ловіями и потребностями той среды, въ которой онъ дѣйствуетъ. Дѣйствуя напр. въ средѣ рабочихъ, они будутъ выдвигать на первой планъ факты хозяйской эксплуатаціи и грабежа; дѣйствуя въ средѣ образованныхъ, буржуазныхъ классовъ, факты гнетущаго ихъ политическаго произвола и т. п.

Мнѣ кажется, милостивый государь, на этомъ я могу остановиться въ опредѣленіи характеристическихъ особенностей и практическихъ требованій того и другого способа борьбы. Продолжать же сопоставленія едва ли не излишне: наиболѣе существенныя черты различія выяснены съ достаточной полнотой. Теперь я спрашиваю васъ какого рода борьбу ведете вы съ существующимъ порядкомъ вещей въ Россіи, какого рода борьбу вы и вашъ журналъ считаете въ настоящее время наиболѣе полезной и необходимой: борьбу ли перваго рода, борьбу философскую или борьбу второго рода, борьбу агитаторскую?

Ваши слова, цитированныя много выше, ваша программа, составъ вышедшихъ книгъ вашего журнала, господствующій въ немъ духъ, все даетъ мнѣ право отвѣчать на этотъ вопросъ самымъ положительнымъ образомъ. Вашъ журналъ рѣшительный противникъ борьбы агитаціонной, онъ признаетъ лишь одну борьбу, борьбу философскую, борьбу съ точки зрѣнія общихъ принциповъ. Въ своей программѣ (стр. 6) вы говорите, что для васъ всего важнѣе вопросъ соціальный, т. е. тѣ общіе экономическіе принципы, которые лежатъ въ основѣ историческаго общества, и что вниманіе нашего журнала исключительно будетъ обращаться на факты, имѣющіе наиболѣе тѣсную прямую связь съ этими принципами, слѣдовательно, на факты изъ экономической жизни народа; факты же, въ которыхъ экономическіе принципы воплощаются лишь косвен-

но, *посредственно*, будутъ интересовать васъ только въ слабой степени, вы отодвините ихъ на задній планъ.

Политическій вопросъ, т. е. тотъ политическій гнетъ, который всѣхъ насъ давитъ, безумный деспотизмъ самодержавія, возмутительный произволъ хищническаго правительства, наше общее безправіе, наше постыдное рабство, все это для васъ вопросы второстепенные. Вы слишкомъ заняты созерцаніемъ *коренныхъ причинъ* зла, чтобы обращать вниманіе на такія *мелочи*. Но *коренныя причины* зла одинаковы, какъ для Россіи, такъ и для всей З. Европы, только въ З. Европѣ, благодаря болѣе высокому развитію экономической жизни, онѣ проявляются въ болѣе рѣзкихъ, въ болѣе рельефныхъ формахъ, и ихъ вліяніе на всѣ прочія сферы жизни, и въ особенности на сферу политическую, осязательнѣе, нагляднѣе.

Отсюда, въ интересахъ разъясненія фальшивости и несправедливости общихъ *экономическихъ принциповъ*, гораздо практичнѣе обращаться за фактами къ Европѣ, а не къ Россіи. Ея жизнь представляетъ, если и не болѣе обильный, то во всякомъ случаѣ, болѣе разработанный матерьялъ для подобнаго разъясненія, чѣмъ наша. Вы это понимаете, и потому вашъ журналъ гораздо пристальнѣе слѣдитъ за рабочимъ движеніемъ въ западной Европѣ, чѣмъ за внутренней жизнью Россіи; вопросамъ обще-европейскаго интереса онъ удѣляетъ столько же, если не больше мѣста, какъ и вопросамъ, имѣющимъ спеціально руской интересъ.

И это, м. г., не простая случайность; это логическое, необходимое слѣдствіе той общей точки зрѣнія, на которой стоитъ вашъ журналъ; и если вы вздумаете, не измѣняя этой точки зрѣнья, вздумаете измѣнить составъ вашихъ книжекъ, если вы станете заниматься Россіей больше, чѣмъ Европой,

русскимъ рабочимъ болѣе, чѣмъ напр. англійскимъ нѣмецкимъ и пр., вы поступите крайне непослѣдовательно, крайне непрактично и нецѣлесообразно.

Не подумайте пожалуйста, что я все это говорю въ видѣ упрека вашему журналу. О, нѣтъ, я нисколько не отрицаю пользу научной борьбы, пользу распространенія и разъясненія разумныхъ соціальныхъ идей, пользу научной критики принциповъ, лежащихъ въ основѣ исторически выработавшихся формъ человѣческаго общежитія; я утверждаю только, что хотя это „распространеніе и уясненіе", и эта „критика" вещи сами по себѣ хорошія, но съ точки зрѣнія истинныхъ потребностей и насущныхъ интересовъ нашей революціонной партіи, онѣ весьма мало полезны и быть можетъ даже вредны.

Вамъ это конечно трудно понять. Не вѣря въ возможность революціи въ близкомъ будущемъ, отодвигая ее въ неопредѣленно далекое будущее, въ такое будущее, когда она въ смыслѣ насильственнаго переворота сдѣлается совершенно невозможною, вы полагаете, что ее слѣдуетъ подготовлять тихо и постепенно, не горячась и не волнуясь, съ истинно философскимъ спокойствіемъ и стоическимъ терпѣніемъ; потому изо всѣхъ путей, ведущихъ къ ней, вы выбираете не тотъ, который всего *короче*, а тотъ, который всего *комфортабельнѣе*. Вамъ дѣла нѣтъ, что этотъ комфортабельный путь самый длинный, что идя по немъ можно никогда не дойти до цѣли. Васъ это не безпокоитъ; что за важность! У васъ такъ много времени впереди! Вы уже примирились съ мыслью, что нужно ждать, пока „теченіе историческихъ событій *само укажетъ* минуту", пока свѣтъ „знанія и пониманія своихъ правъ и потребностей" непробьется сквозь толстую, непроницаемую стѣну народнаго невѣжества. Ну что же ждите и философствуйте!

Но мы не можемъ и не хотимъ ждать!

Въ нашихъ жилахъ, въ жилахъ революціонеровъ, м. г., течетъ не та кровь, что въ жилахъ философа-филистера. Когда мы думаемъ, а мы всегда объ этомъ только и думаемъ, когда мы думаемъ о постыдномъ безправіи нашей родины, о ея кровожадныхъ тиранахъ, бездушныхъ палачахъ, о тѣхъ страданіяхъ, о томъ позорѣ, тѣхъ униженіяхъ, которымъ они ее подвергаютъ, когда наши взоры обращаются къ Голгофѣ народнаго мученичества, а не въ нашей волѣ отвратить ихъ отъ этого зрѣлища, когда мы видимъ передъ собою этотъ несчастный народъ, облитый кровью, въ терновомъ вѣнкѣ, пригвожденнымъ къ кресту рабства, о, тогда мы не въ силахъ сохранять спокойствіе, приличное философамъ.

Мы не хотимъ разсуждать о тѣхъ отдаленныхъ причинахъ, которые привели его на крестъ, мы не говоримъ ему, подобно разбойнику: „спасавшій другихъ, спаси себя, сойди съ креста!“ мы не хотимъ ждать, пока распятый мученикъ „пойметъ и ясно сознаетъ“ *почему* неудобно висѣть на крестѣ, *почему* колются терніи, *изъ чего* сдѣланы тѣ гвозди, которыми прибиты его руки и ноги, и *почему* они причиняютъ ему такія страданія. Нѣтъ, мы хотимъ только во *чтобы ни стало*, и какъ *можно скорѣе*, свалить крестъ и снять съ него страдальца.

Вотъ по тому-то истинно революціонная партія, ставитъ своею главною, своею первостепенною задачею не подготовленіе революціи вообще, въ отдаленномъ будущемъ, а осуществленіе ее въ возможно ближайшемъ настоящемъ. Ея органъ, долженъ быть и органомъ этой идеи; мало того, онъ долженъ служить однимъ изъ практическихъ средствъ *непосредственно* содѣйствующихъ скорѣйшему наступленію насильственнаго переворота.

Иными словами, онъ долженъ не столько заботиться о теоретическомъ *уясненіи* и философскомъ *пониманіи принципіальныхъ* несовершенствъ даннаго порядка вещей, сколько о возбужденіи къ нему отвращенія и ненависти, о накопленіе и распространеніи во всѣхъ слояхъ общества чувствъ недовольства, озлобленія, страстнаго желанія *перемѣны*.

Слѣдовательно, хотя интересм революціонной партіи, и не исключаютъ теоретической, *научной* борьбы, но они требуютъ, чтобы борьба практическая, агитаторская была выдвинута на первый планъ. Они требуютъ этого, не только въ виду настоятельной неотложности революціи, но также и въ виду другихъ не лишенныхъ значенія соображеній. Наша молодежь, наше интелегентное меньшинство страдаетъ не столько недостаткомъ яснаго пониманія несостоятельности общихъ экономическихъ принциповъ, лежащихъ въ основѣ нашего быта, сколько недостаткомъ сильныхъ аффективныхъ импульсовъ, толкающихъ людей на практическую, революціонную дѣятельность. Слѣдовательно, развитіе этихъ импульсовъ (что и составляетъ одну изъ главныхъ задачъ революціонной агитаціи) въ высокой степени необходимо въ интересахъ болѣе усиленнаго комплектованія кадровъ революціонной арміи.

Что же касается до нашего, такъ называемаго образованнаго большинства, то дѣйствовать непосредственно на его аффективныя импульсы, потому представляется наиболѣе полезнымъ, что оно совершенно неспособно увлекаться импульсами интелектуальными. По своему уметвенному невѣжеству, по своей крайней неразвитости, оно не можетъ еще возвыситься до пониманія коренныхъ причинъ зла, до абстрактнаго мышленія объ основныхъ принципахъ окружающей его соціальной жизни.

Занимая мало развитыхъ, умственно неподготовленныхъ людей созерцаніемъ отдаленнѣйшихъ, наиболѣе общихъ причинъ зла, вы достигните только одного результата: вы примирите ихъ съ тѣмъ непосредственнымъ зломъ, которое ихъ давитъ, отнимите у нихъ единственный, доступный имъ стимулъ для борьбы, не замѣняя его никакимъ другимъ. Безобразные факты, гнетущей ихъ дѣйствительности, абстрагированные отъ своей конкретной реальности, возведенные къ своей *чистой* идеи, разложенные на свои простѣйшіе основные элементы, продистилированные *общими принципами*, теряютъ для нихъ все свое возбуждающее значеніе. Они начинаютъ относиться къ нимъ индифферентно: они говорятъ: „изъ за чего тутъ горячиться: вѣдь все это безобразіе, необходимое, логическое послѣдствіе извѣстныхъ намъ общихъ причинъ. И не то удивительно, что оно существуетъ, а удивительно то, что есть дураки, которые этимъ возмущаются!“

Они не будутъ этими дураками: они постараются *возвыситься* до того философскаго стоицизма, который спокойно преклоняется передъ фактомъ *существующимъ*, потому только, что этотъ фактъ логически обусловленъ цѣлымъ рядомъ фактовъ *предшествующихъ*. Дальше этого они не поднимутся. Пониманіе и сознаніе фальшивости и несправедливости *общихъ принциповъ*, окружающихъ ихъ явленій, не въ состояніи будетъ оказать на нихъ настолько сильнаго вліянія, чтобы заставить ихъ возстать противъ этихъ явленій *во имя идеи*, чтобы подвигнуть ихъ на борьбу съ самыми принципами.

Для этого, одного пониманія и сознанія еще не достаточно: для этого требуется еще и нѣкоторая *привычка*, привычка постоянно соображать свои поступки съ своими идеями, привычка подчинять

свою практическую дѣятельность теоретическому міросозерцанію, привычка всегда и во всемъ руководствоваться *преимущественно* одними умственными импульсами. Но, подобная привычка можетъ выработаться лишь у людей стоящихъ на весьма высокой ступени умственнаго и нравственнаго развитія, на той ступени, до которой достигаетъ лишь самое ничтожное меньшинство нашей такъ называемой „образованной,“ „привилигированной“ среды.

Вотъ почему, м. г., я сказалъ выше, и повторю опять, *ваша* философская война, та чисто теоретическая, научная пропаганда, которой задается вашъ журналъ,—что такая война, такая пропаганда, съ точки зрѣнія интересовъ революціонной партіи, не только не полезна, но даже вредна. Распространяться объ этомъ больше нечего. Я старался быть настолько яснымъ и точнымъ, что не понять меня, можетъ только тотъ, кто *не хочетъ* понять. А, я не думаю, я не хочу думать, чтобы именно вы, м. г. могли *не захотѣть* меня понимать.

VII.

Послѣ всего мною сказаннаго, я, какъ мнѣ кажется, имѣю нѣкоторое право утверждать, что, съ точки зрѣнія насущныхъ интересовъ русской революціонной партіи, задачи ея революціонной пропаганды могутъ быть формулированы слѣдующимъ образомъ.

1. *По отношенію къ образованному большинству*, по отношенію къ превилигированной средѣ, ровно, какъ и *по отношенію къ народу*, она должна пре-

слѣдовать главнѣйшимъ образомъ цѣли, *агитаторскія*. Она должна возбуждать въ обществѣ чувство недовольства и озлобленія существующимъ порядкомъ, останавливая его вниманіе главнымъ образомъ на тѣхъ именно фактахъ, которые всего болѣе способны вызвать и разжечь это чувство. При выборѣ этихъ фактовъ она должна соображаться не столько съ тѣмъ, въ какой мѣрѣ въ нихъ воплощаются общіе принципы даннаго порядка, сколько съ тѣмъ, въ какой мѣрѣ они причиняютъ *дѣйствительныя*, осязательныя страданія людямъ, той или другой среды.

2. *По отношенію къ революціонной молодежи, къ своей партіи*, она должна преслѣдовать цѣли по преимуществу *организаціонныя*. Убѣждая ее въ настоятельной необходимости непосредственной практической революціонной дѣятельности, она должна выяснить ей, что главное условіе успѣха этой дѣятельности зависитъ отъ прочной организаціи ея революціонныхъ силъ, отъ объединенія частныхъ, единичныхъ попытокъ, въ одно общее, дисциплинированное, стройное цѣлое. Наша революціонная практика выработала нѣсколько путей революціонной дѣятельности: путь государственнаго, политическаго заговора, путь народной пропаганды (именно то, что вашъ журналъ называетъ „развитіемъ въ народѣ сознанія его правъ и потребностей"); путь непосредственной народной агитаціи (т. е. непосредственнаго подстрекательства народа къ бунту). Не время теперь спорить, какая изъ этихъ дѣятельностей полезнѣе, какой путь цѣлесообразнѣе.

Всѣ три пути *одинаково* цѣлесообразны, всѣ три дѣятельности *одинаково* необходимы для скорѣйшаго осуществленія народной революціи. *

---

*) Доказать несомнѣнную истинность этого положенія

Пусть каждый выбираетъ себѣ тотъ путь, къ которому онъ чувствуетъ наиболѣе склонности, ту дѣятельность, условіямъ которой онъ всего легче можетъ удовлетворить; кто, чувствуетъ себя въ состояніи работать на всѣхъ трехъ поприщахъ одновременно,—тотъ пусть и работаетъ. Тѣмъ для него лучше. А кто этого не чувствуетъ—тотъ долженъ ограничиться доступною ему сферою революціонной дѣятельности, не насилуя себя, не тратя дорогаго времени на предварительное самообразованіе и перевоспитаніе. . . .

Теперь не до длинныхъ сборовъ, не до вѣчныхъ приготовленій—пусть каждый наскоро соберетъ свои пожитки и спѣшитъ отправиться въ путь. Вопросъ *что дѣлать?* насъ не долженъ больше

очень не трудно. Ни одна изъ этихъ трехъ революціонныхъ дѣятельностей,—взятая въ отдѣльности, взятая сама по себѣ—не можетъ привести къ скорому осуществленію народной революціи. Достигнуть этой цѣли, возможно лишь при одновременномъ примѣненіи всѣхъ ихъ.

Въ самомъ дѣлѣ,—если мы,—слѣдуя нашимъ, м. г., совѣтамъ, ограничимся однимъ лишь развитіемъ въ народѣ сознанія [illegible] его правъ и потребностей—то, революціи мы никогда не дождемся. Но, если, съ другой стороны, мы ограничимся однимъ лишь непосредственнымъ подстрекательствомъ къ бунту, то хотя мы и будемъ имѣть большую вѣроятность добиться бунта но, зато не будемъ имѣть никакихъ гарантій, что этотъ бунтъ оставитъ послѣ себя какія нибудь прочныя результаты, что онъ не будетъ очень скоро подавленъ, что онъ разростется въ дѣйствительную революцію.

Наконецъ, если мы ограничимся однимъ лишь государственнымъ заговоромъ,—то, хотя помощью этого средства произвести переворотъ весьма легко и удобно,—но переворотъ этотъ будетъ имѣть характеръ государственный, а не народный; онъ не проникнетъ въ нѣдра народной жизни, онъ не подыметъ и не взволнуетъ низшихъ слоевъ общества,—онъ взбаламутитъ лишь одну его поверхность,—короче говоря,—это совсѣмъ не будетъ народною революціею.

занимать. Онъ уже давно рѣшенъ. *Дѣлать революцію.*—Какъ? Какъ кто можетъ и умѣетъ. При разумной организаціи, ни одна частная попытка, ни одно единичное усиліе не пропадутъ даромъ. Слѣдовательно вопросъ объ организаціи, есть самый существенный вопросъ революціонной пропаганды, поотношенію къ нашей революціонной молодежи. Въ виду его чрезвычайной важности она не можетъ придавать слишкомъ большого значенія, тѣмъ вопросамъ, которыя, не имѣя никакого прямого отношенія къ практической революціонной дѣятельности *въ настоящемъ*, касаяся исключительно *будущаго*, вносятъ, тѣмъ не менѣе, раздоры и разъединеніе въ кружки нашей революціонной молодежи.

Я здѣсь имѣю въ виду вопросы касающіеся устройства возможно-наилучшаго порядка вещей въ будущемъ и практическихъ средствъ примѣнить его въ жизни *послѣ* того; какъ революція совершитъ свою разрушительную миссію. *Настоящее* должно теперь приковывать къ себѣ все наше вниманіе: намъ нѣкогда, намъ не дотого чтобы вперять свои взоры въ будущее и развлекать себя созерцаніемъ его красотъ.

Мы знаемъ только, что каково бы ни было это будущее, оно не можетъ быть хуже настоящаго. Когда человѣка душатъ, единственная мысль, которая его занимаетъ—это: какъ бы поскорѣе освободиться отъ своего душителя; что онъ потомъ станетъ дѣлать, что онъ на себя надѣнетъ, какую пищу себѣ потребуетъ и т. п.—обо всемъ этомъ ему и на умъ не приходитъ. Мы, находимся въ такомъ же точно положеніи: насъ душатъ; – избавиться отъ разбойничьей руки, сжавшей намъ горло,—вотъ единственный насущный вопросъ, который долженъ поглощать все наше вниманіе. Передъ этимъ вопросомъ—*вопросы будущаго* стушовыва-

ются, отходятъ на заднiй планъ. Я не хочу этимъ сказать, чтобы мы должны совсѣмъ отказаться отъ ихъ разрѣшенiя. Это было бы нелѣпо.

Но, мы не должны раздувать ихъ важность настолько, чтобы дѣлать изъ нихъ барьеръ раздѣляющiй революцiонную партiю *настоящаго.* Мы не должны никогда забывать, что, все что насъ раздѣляетъ, все, что вноситъ въ среду нашу рознь и раздоръ все это усиливаетъ нашего общаго врага, ослабляетъ и парализируетъ нашу революцiонную дѣятельность. Потому на знамени революцiонной партiи, *партiи дѣйствiя,* а не партiи резонерства, могутъ быть написаны только слѣдующiе слова; *Борьба съ правительствомъ, борьба съ установившимся порядкомъ вещей, борьба до послѣдней капли крови до послѣдняго издыханiя.*

Только это знамя способно соединять, а не разъединять нашу партiю, слѣдовательно, только оно одно и соотвѣтствуетъ ея реальнымъ, ея истиннымъ интересамъ.

VIII.

Вотъ, м. г., каковы должны быть, въ общихъ конечно чертахъ, подробностей я не могъ здѣсь касаться, каковы должны быть, по моему мнѣнiю, главныя цѣли и задачи революцiонной пропаганды, вотъ знамя, подъ которымъ она съ успѣхомъ можетъ дѣйствовать.

Понятно ли вамъ теперь почему я не могъ работать вь вашемъ журналѣ въ качествѣ простаго сотрудника, почему я добивался правъ самостоятельнаго редактора? Я надѣюсь, что вы не станете объяснять теперь моего поведенiя какими ни-

будь личными мотивами, самолюбіемъ, тщеславіемъ и т. д. Однако, это еще не все, на что я надѣюся. Я бы никогда не позволилъ себѣ такъ долго утруждать вашего вниманія, такъ долго отвлекать васъ отъ вашихъ серьезныхъ занятій изъ за вопроса чисто личного.

Но, пиша вамъ это письмо, я, кромѣ чисто личной цѣли, имѣлъ въ виду еще и другую цѣль. Я хотѣлъ вамъ разъяснить насущныя потребности, желанія и стремленія тѣхъ изъ нашихъ наиболѣе радикальныхъ и послѣдовательныхъ революціонныхъ кружковъ, къ которымъ по преимуществу можетъ быть примѣнено названіе *партіи дѣйствія*. Я хотѣлъ указать вамъ *истинную* причину той сдержанности и той холодности, съ которою они встрѣтили вашъ журналъ и которую вы склонны объяснять какими то интригами, будто бы враждебной вамъ партіи.

Еди мнѣ удалось хотя отчасти достигнуть этой цѣли я не стану укорять себя въ томъ, что отнялъ у васъ столько драгоцѣннаго времени; я смѣю думать, что и вы тогда меня не упрекнете. Но, вотъ за что вы можете меня упрекнуть и за что я заранѣе прошу васъ великодушно извинить меня; затрогивая въ настоящемъ письмѣ вопросы, имѣющіе существенную важность для разъясненія нашей революціонной программы, я, при всемъ моемъ желаніи, часто отступалъ отъ той холодной сдержанности, того философскаго спокойствія, которыя вы бы вѣроятно всегда съумѣли сохранить въ подобномъ случаѣ. Вслѣдствіи этого я иногда слишкомъ рѣзко нападалъ на направленіе вашего журнала. Не вините меня за это строго; я не въ силахъ былъ относится равнодушно и безстрастно къ тому, что я считаю не только неполезнымъ, но даже вреднымъ, не только не согласнымъ, но да-

же враждебнымъ истиннымъ интересамъ русской революціонной партіи.

Затѣмъ, обращаясь къ вамъ, не какъ къ революціонеру и общественному дѣятелю, а какъ къ частному человѣку, я покорнѣйше прошу васъ, м. г., принять увѣренія въ моихъ дружескихъ чувствахъ къ вамъ и считать меня всегда готовымъ къ вашимъ услугамъ.

Петръ Ткачевъ.

